

В ночь на 25 ноября 1120 года «Белый корабль», шедший курсом на Англию, затонул неподалеку от Барфлэра; погибли все члены экипажа и пассажиры, кроме одного... Это было морское судно, оснащенное по последнему для того времени слову кораблестроения... Весть о катастрофе потрясла всю Европу: на борту находились несколько знатных особ — наследник английского престола, два внебрачных сына короля, несколько графов и баронов и множество приближенных к королевской фамилии лиц... Историческое значение этой трагедии состояло в том, что король Генрих потерял своего прямого наследника... В результате после смерти Генриха наступил период анархии и ожесточенной борьбы за власть.

*А. Л. Пул.
От Земельной описи Вильгельма Завоевателя
к Великой хартии вольностей*

Пролог

1123

Первыми к месту казни сбежались мальчишки. Было еще темно, когда трое или четверо выбрались из хибар, ступая бесшумно, как кошки, в своей войлочной обуви. Только что выпавший снег, словно свежий слой краски, лег на городишко, и их следы первыми нарушили девственный покров. Они пробирались мимо притулившихся друг к другу лачуг, по грязным замерзшим улицам, к базарной площади, где в молчаливом ожидании торчала виселица.

Все, что ценили взрослые, мальчишки презирали. Они пренебрегали красотой и глумились над добродетелью. При виде калеки поднимали его на смех, а раненое животное забрасывали камнями. Они хватали царапинами и синяками, а шрамы были предметом гордости, но особенно почетным считалось увечье: окажись среди них беспальный, он стал бы их королем. Они обожали насилие, могли пробежать не одну милю, чтобы увидеть жестокую драку, и, уж конечно, никогда не пропускали казнь.

Один из них помочился на подножие виселицы. Другой взобрался по ступенькам, схватил себя за горло и, изображая удушье, стал падать, корча отвратительные гримасы. Остальные затеяли потасовку, и тут же на шум с лаем прибежали две собаки. Совсем маленький мальчонка беспечно грыз яблоко, а другой, постарше, схватил его за нос и отобрал огрызок. Малыш дал выход досаде, бросив в собаку острый камень, и та, визжа, убежала. Делать было нечего, и мальчишки уселись на паперти в ожидании происшествий.

За ставнями окружавших площадь добротных деревянных и каменных домов, принадлежавших преуспевающим ремесленникам и купцам, мерцали огоньки свечей. Это судомойки и подмастерья разводили огонь, грели воду и варили кашу. Небо посветлело. Вынырнув из низких дверных проемов, горожане кутались в плащи из грубой шерсти и, поеживаясь, спешили к реке за водой.

Чуть позже появилась группа развязных парней: конюхов, работников, подмастерьев. Пинками и подзатыльниками они согнали мальчиков с паперти, а сами, прислонясь к резному камню, почесываясь и поплеывая, с видом знатоков завели разговор о том, как умирают повешенные. Если казненному повезет, сказал один, шея переломится сразу, едва он повиснет, — быстрая смерть, безболезненная, а коли не повезет, будет болтаться, багровый, хватая ртом воздух, словно рыба без воды, пока не задохнется; а другой сказал, повешенный может мучиться довольно долго, милю за это время успеешь пройти; а третий добавил, бывает и хуже, сам видел: пока один умирал, шея у него вытянулась на целый фут.

Старухи сбились в кучку на противоположной стороне площади, подальше от молодых, которые, того и гляди, начнут выкрикивать всякие гадости в адрес своих бабок. А ведь они всегда встают спозаранку, старухи-то, хотя у них нет уже младенцев или детишек, за которыми нужен уход, и первыми чистят очаг и разводят огонь. Могучая вдова Брюстер, признанный вождь, присоединилась к кучке, толкая впереди бочонок с пивом так же легко, как ребенок катит обруч. И прежде чем вытащила затычку, с кувшинами и ведрами ее обступили страждущие.

Помощник шерифа открыл главные ворота, впуская крестьян, что жили в прилепившихся к городской стене домишках. Одни принесли на продажу яйца, молоко и свежую рыбу, другие пришли купить пива и хлеба, а третьи просто стояли и ждали, когда начнется казнь.

Время от времени люди вытягивали шеи, как нахлывшиеся воробы, глядя на замок на вершине высившегося над городом холма. Они видели дым, плавно курившийся над кухней, а в бойницах каменной крепости время от времени мелькал свет факела. Когда же из-за мохнатой серой тучи стало подниматься солнце, массивные ворота сторожевой башни отворились, и оттуда показалась небольшая процессия. Первым ехал шериф, восседая на прекрасном черном жеребце, за ним вол тянул телегу, на которой лежал связанный узник. За телегой ехали трое верховых, и хотя на таком расстоянии лиц не разглядеть, судя по одеянию, это были рыцарь, священник и монах. Процессию замыкали два стражника.

Все они присутствовали на суде, который состоялся в церкви днем раньше. Священник сказал, что поймал вора с поличным, монах заявил, что серебряная чаша является собственностью монастыря, а рыцарь, хозяин вора, сообщил, что тот сбежал, и тогда шериф вынес смертный приговор.

Пока процессия медленно спускалась с холма, вокруг виселицы собрался весь город. В числе последних явились самые знатные: мясник, пекарь, два кожевника, два кузнеца, ножовщик и мастер по изготовлению луков и стрел, — все с женами.

Обычно люди одобряли казнь. Как правило, осужденным был вор, а люди, зарабатывавшие на жизнь тяжелым трудом, ненавидели воров. Но теперь мнения толпы разделились. Этот вор был особенным. Никто не знал, кто он и откуда. Украл он не у них, а у монастыря, что в двадцати милях от города. И украл драгоценную чашу, цена которой была столь велика, что продать ее не представлялось возможным, а это совсем не то, что украсть молоток, или новый нож, или хороший пояс, утрата которых каждому тяжела. Они не могли ненавидеть человека, совершившего такое непонятное преступление. Поэтому, когда телега с осужденным въехала на базарную площадь, из толпы раздалась лишь отдельные выкрики, да и те

звучали неуверенно, и только мальчишки с энтузиазмом над ним потешались.

Большинство горожан не присутствовали на суде, ибо в дни, когда вершился суд, они работали, и увидели преступника лишь сегодня. Он был совсем молод, лет двадцати-тридцати, обычного роста и телосложения, но в то же время его внешность была неординарной: кожа белая, как лежащий на крышах снег, ярко-зеленые навывкате глаза и огненно-рыжие волосы. Девушкам он показался некрасивым, старухи его жалели, мальчишки же, глядя на него, хохотали до упаду.

Шерифа все знали, что же касается остальных, тех, кто определил судьбу преступника, — в этом городе они были чужаками. Ясно, что рыцарь, этот толстяк с соломенными волосами, — важная птица, ибо его огромный боевой конь стоил столько, сколько плотник за десять лет не заработает. Монах уже стар, лет пятидесяти, а то и более, высок и худ, в седле он сидел с таким видом, словно и жизнь казалась ему обузой. Но самым необычным был сидевший на гнедом жеребце священник — остроносый человек в черной рясе и с гладкими черными волосами. У него был пристальный, настороженный взгляд, как у кота, замершего перед мышьиной норой.

Один из мальчишек, прицелившись, кинул в осужденного камень. Бросок получился удачным — камень попал между глаз. Тот прорычал проклятие и рванулся к обидчику, но веревки, которыми был привязан к телеге, его удержали. Никто не обратил бы на это внимания, если бы не слова проклятия, произнесенные по-норманнски, а на этом языке говорили только господа. Значит, он принадлежал к знати? Или то был чужестранец? Никто не знал ответа.

Телега остановилась под виселицей. На нее с веревкой в руке взобрался помощник шерифа и, грубо рванув осужденного, поставил на ноги. Тот стал вырываться, и мальчишки дружно заулюлюкали — они

были бы разочарованы, если бы преступник сохранял спокойствие. Веревки, опутывавшие

его по рукам и ногам, ограничивали движения, но он отчаянно мотал головой, пытаясь увернуться от петли. Тогда помощник шерифа, здоровенный верзила, отступил на шаг и ударил узника в живот. Тот сложился пополам, и помощник шерифа продел голову в петлю и затянул узел. Затем спрыгнул на землю, подтянул веревку и закинул конец на крюк.

Дело было сделано. Если бы теперь приговоренный попытался сопротивляться, он только ускорил бы свою смерть.

Стражники развязали ему ноги и оставили на телеге со связанными за спиной руками. Толпа замерла.

На этом этапе казни нередко что-то случается: либо заголосит мать осужденного, либо жена бросится к телеге с ножом, пытаясь в последнюю минуту перерезать веревку. Порой осужденный взывает к Богу, моля о пощаде, или бросает страшные проклятия в адрес своих палачей. Поэтому стражники встали по обе стороны виселицы, готовые пресечь любой беспорядок.

И вдруг заключенный запел.

Голос его был высоким и чистым. Он пел по-французски, но даже тот, кто не знал языка, услышав грустную мелодию, понял бы, что это песня печали и утрат.

Птичка, в сетях оказавшись,
Слаще поет, чем всегда,
Словно от звуков той песни
Сети порвутся, она упорхнет.

Он пел, не отрывая глаз от кого-то в толпе, которая, заслышав песню, стала расступаться. В образовавшемся пространстве стояла девушка, и все теперь смотрели на нее.

Ей было лет пятнадцать. Глядя на девушку, все удивлялись, как это сразу такую не заметили. У нее были длинные темные волосы, пышные и густые, собранные на ее высоком лбу в «чертов рог», правильные черты лица и чувственный рот. Старухи обратили внимание на ее широкую талию

и тяжелые груди, из чего заключили, что она беременна, и сразу смекнули, кто отец будущего ребенка. Но остальные не заметили ничего, кроме глаз. Она была бы красавицей, если бы не глубоко посаженные золотистые глаза, лучистые и пронизывающие, так что когда смотрела на кого-то, казалось, могла заглянуть прямо в душу; и люди отводили взгляд, боясь, что она узнает их секреты. Она была в тряпье, и по ее щекам текли слезы.

Погонщик вола и помощник шерифа переглядывались в ожидании команды. Станный священник поторапливал шерифа, который медлил, давая вору допеть свою песню до конца. Казалось, сама смерть тепеливо ждала, когда умолкнет чудесный голос.

Бедную пташку охотник схватил,
Свободы уж ей не видать.
Все люди и птицы должны умереть,
Но песня жить будет всегда.

Наконец узник замолчал, шериф взглянул на помощника и кивнул. «А-а!» — шелкнул хлыстом погонщик. Телега со скрипом двинулась с места, стоявший на ней осужденный качнулся и, потеряв опору, повис. Веревка натянулась, и шея несчастного, хрустнув, переломилась.

Послышался пронзительный крик, и все посмотрели на девушку.

Правда, кричала не она, а жена ножовщика. Но вскрикнула она из-за девушки, увидев, как та опустилась на колени, вытянув вперед руки, готовая послать проклятия палачам. Стоявшие рядом в ужасе попятились: каждый знал, проклятия несправедно осужденных непременно сбудутся, а всем мерещилось в этой казни что-то зловещее. Даже мальчишки испугались и приоткрыли.

Девушка остановила взгляд своих гипнотических глаз на чужаках — рыцаре, монахе и священнике, — и ее звонкий голосок разнес над пло-

шадью слова проклятия: «Да не оставят вас болезни и горе, голод и страдание, да сожрет огонь ваши жилища и да будут повешены ваши дети; пусть процветают ваши враги, и пусть вы состаритесь в тоске и печали и умрете в нищете и отчаянии...» Еще не рассеялся в воздухе отзвук последних слов, как девушка выхватила из мешка петуха, в ее руке блеснул нож, и одним движением она отсекла птице голову.

Фонтаном брызнула кровь, а обезглавленный петух был брошен к ногам чужаков, которые с отвращением отпрянули, но кровь окропила каждого, запятнав одежды и обagrив лица.

Девушка побежала прочь.

Толпа расступилась, давая ей дорогу, и снова сомкнулась. Какое-то время все были в смятении. Наконец шериф призвал стражников и сурово приказал нагнать беглянку. Они стали пробиваться сквозь толпу, грубо расталкивая мужчин, женщин и детей. Но девушки уже не было видно, и, хотя шериф тоже попытался ее разыскать, она словно сквозь землю провалилась. Раздраженный, он повернул назад.

Рыцарь, монах и священник ничего этого не видели, стоя в оцепенении у виселицы. Шериф проследил за их заворoженными взглядами. Повешенный слегка покачивался, его бледное лицо посинело, а под ним в предсмертной агонии, описывая рваные круги на обagrенном кровью снегу, метался обезглавленный петух.

ЧАСТЬ I

1135—1136

Глава 1

I

На берегу ручья, что весело бежал по широкой долине, у подножия пологого холма Том строил дом. Работа спорилась, и стены уже поднялись на высоту трех футов. Двое нанятых Томом каменщиков скребли, шлепали и пристукивали мастерками, в то время как подручные обливались потом под тяжестью массивных каменных блоков. Сын Тома, Альфред, замешивал раствор, вслух считая порции добавляемого песка. Рядом с Томом мастерил скамью плотник, тщательно обтесывая буковую доску. В свои четырнадцать Альфред был всего на пару дюймов ниже отца, на целую голову превосходившего большинство людей. Они были очень похожи, оба русоволосые, с зеленовато-карими глазами. А отличались лишь тем, что у Тома была курчавая темная борода, тогда как у Альфреда — нежный пушок. Том с умилением вспоминал, что у маленького сына на голове вились такие же тонкие волосики. Теперь, когда Альфред вырослел, Том хотел, чтобы сын больше интересовался работой отца, ибо, коли хочешь стать настоящим каменщиком, многому следует научиться. Но до сего дня азы строительной науки вызывали у Альфреда лишь недоумение и скуку.

Когда они закончат работу, здание признают самым роскошным на многие мили вокруг. Внизу — просторный подвал со сводами, чтобы обезопаситься от пожара. В жилое помещение ведет высокая наружная лестница, что делает его менее уязвимым при нападении. Там же, в стене, будет дымоход. Это было радикальное новшество: всего в одном доме Том видел дымоход, и так был потрясен, что твердо решил

воспользоваться этой идеей. В дальней части дома будет маленькая спальня: в наше время дворянские дочери стали требовать для себя отдельные покои — они, видите ли, слишком нежные, чтобы спать вместе с мужчиной, прислугой и охотничьими собаками. Кухня разместится в отдельном доме, так как рано или поздно там непременно случится пожар, и единственное, что можно сделать, — строить кухни подальше от всего остального, смирившись с тем, что еда будет подаваться полуостывшей.

Сейчас Том трудился над входом в здание, придавая дверным косякам форму колонн, налет изысканности для новобрачных из аристократических семей, что будут здесь жить. Сверяясь с деревянным шаблоном, он приставлял к косяку железное зубило и постукивал по нему большим деревянным молотком. Осколки кирпича дождем сыпались на землю. Колонна получалась гладкая, не хуже, чем в соборе.

Однажды Том уже работал на строительстве собора. Дело было в Эксетере. Поначалу он отнесся этому, как к самой обычной работе. И даже разозлился на мастера, когда тот отметил, что качество его работы не особенно хорошо: уж Том-то знал, что он более прилежен, чем другие каменщики. Но вскоре понял, что стены собора должны быть не просто хороши, но совершенны, потому что собор строился для Бога и еще потому, что здание было столь велико, что малейшая неровность стен, ничтожное отклонение от уровня могли губительно ослабить конструкцию. Он стал испытывать воодушевление. Сочетание громадности проекта и необходимости жестко контролировать малейшие детали открыло ему глаза: Том осознал волшебную силу своего ремесла. Из опыта строительства собора он узнал о пропорциях, символическом значении чисел и почти магических формулах, применяемых для определения толщины стен и угла ступеней винтовой лестницы. Его захватила эта магия. И еще он был удивлен, когда узнал, что другие каменщики и не пытаются ее постичь.

Очень скоро Том стал правой рукой мастера, и тогда-то ему открылось, что и у его учителя есть недостатки. Мастер в совершенстве знал ремесло, но организатором был никудышным. Он совершенно терялся, когда нужно было обеспечить каменщиков блоками подходящего качества, проверить, изготовили ли кузнецы какой следует инструмент, выяснить, есть ли гашеная известь и песок для раствора, проследить, чтобы плотникам подвезли бревна, а еще вовремя получить из казны деньги и за все заплатить.

Если бы Том остался в Эксетере, после смерти мастера он занял бы его место, но соборная казна истощилась — отчасти из-за просчетов мастера, — и каменщикам пришлось покинуть Эксетер в поисках другой работы. Смотритель замка предложил Тому заняться ремонтом и совершенствованием городских укреплений. Этому он мог бы посвятить всю оставшуюся жизнь. Но Том ему отказал, потому что теперь мечтал построить еще один собор.

Агнес так и не смогла его понять. Ведь они могли бы жить в добротном каменном доме, иметь слуг, собственную конюшню и каждый день есть мясо. Она не могла простить Тому, что он упустил такую возможность. Ей не дано было постичь, сколь неодолимо притягательным стало для Тома строительство собора: решение сложнейших организационных задач, напряженная работа ума, правильные линии стен, красота, от которой захватывает дух, и великолепие законченного здания. Однажды вкусив этого, Том никогда уже не удовлетворится меньшим.

Но то было десять лет назад. С тех пор они никогда подолгу не задерживались на одном месте. Том брался за новый зал для общих собраний в монастыре, год или два строил замок или городской дом для богатого торговца; но едва у него появлялись деньги, он снимался с места, с женой и детьми, и отправлялся в путь в поисках своего нового собора.

Оторвавшись от работы, Том увидел Агнес.

14 Она стояла на краю строительной площадки,

держа в одной руке корзинку с едой, а в другой — кувшин с пивом. Был полдень. Том приветливо посмотрел на жену. Она — далеко не красавица, но ее лицо исполнено силы: широкий лоб, большие карие глаза, прямой нос и волевой подбородок. Темные выющиеся волосы расчесаны на пробор и собраны сзади в пучок. Она была ему душевным другом.

Агнес налила пива Тому и Альфреду. Так они и стояли, двое крупных мужчин и крепкая женщина, стояли и пили из деревянных чашек пиво, когда из пшеничного поля вынырнула Марта, четвертый член семьи, семилетняя девочка, милая, как цветочек, правда, без одного лепестка: во рту у нее была щербина — два молочных зуба выпали, а новые еще не выросли. Она подбежала к Тому, поцеловала его в пыльную бороду и стала просить глоточек пива. Он обнял худенькое тельце и улыбнулся:

— Не пей слишком много, в канаву свалишься.

А Марта начала шататься, притворяясь пьяной.

Они уселись все на бревне, Агнес протянула Тому ломоть пшеничного хлеба, большой кусок вареной свинины и маленькую луковицу. Откусив мяса, он принялся не спеша ее чистить. Дети тоже сосредоточились на еде. «Возможно, я поступил безответственно, отказавшись от работы в Эксетере и пустившись на поиски места на строительстве собора, — думал Том. — Но мне ведь обычно удавалось их прокормить».

Он достал из кармана кожаного фартука нож, отрезал от луковицы и положил в рот сладкий и едкий кусок.

— Я снова беременна, — сказала Агнес.

Том перестал жевать и уставился на жену. Чувствуя, как его захлестывает радость, и не зная, что сказать, он глупо улыбался.

— Чему тут удивляться, — покраснев от смущения, промолвила Агнес.

Том обнял ее.

— Да-да, — блаженно ухмыльнулся он. — Малыш еще потреплет меня за бороду. А я-то думал, следующий будет уже Альфреда.